

ЮНОСТЬ

9 770132 203600
И-6/2020 16+

6

Литературно-художественный журнал Журнал «Юность» №06/2020

Серия «Журнал
«Юность» 2020», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67774910

*Журнал «Юность» №06/2020: Редакция журнала «Юность»; Москва;
2021*

Аннотация

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

Содержание

Наша Победа	8
Сергей Шаргунов	8
Самая непрочитанная книга о Великой отечественной войне	9
Татьяна Соловьева	13
Самая одушевленная книга о войне	14
Максим Жегалин	24
Самая сиреневая книга о войне	25
Поэзия	30
Игорь Малышев	30
«Ничего не исчезнет. Все здесь...»	31
«Галина Бениславская смотрит на пистолет, сидит у могилы Есенина...»	32
«Человек что-то вроде двух лет...»	32
Под мостом	33
В величии и ризе покаянья	35
Радомир Андрич	39
Под прицелом	39
Иногда поутру	41
Миловак Витезович	42
Александр Сергеевич Пушкин	42
Михаил Юрьевич Лермонтов	43
Николай Васильевич Гоголь	43

Лев Николаевич Толстой	44
Сергей Александрович Есенин	44
Владимир Ягличич	46
В музее Коки Янковича[1]	46
Капуста	47
Дары	48
Таз	50
Обоснование отсутствия	51
Данило Йоканович	52
Грчаница	52
Косово и Метохия	52
Бранислав Зубович	54
Хлеб	54
Мирьяна Булатович	56
Темноокая песня	56
Милош Янкович	57
Истинное положение вещей	57
Братислав Миланович	58
«Тихо в нашем доме...»	58
Ирина Толстикова	60
Страшила и волшебник	60
Vasily Shomov	62
Ты ждешь	62
Анна Бабина	64
Кольцо	64
Проза	66

Коля Бац	66
Мертвый сантехник	67
Богиня липовой рощи и абиссинских котов	74
Константин Королев	83
Фотография	84
Под безымянным пиком	88
Покидая «Порт Лянгар»	96
Юлия Лысова	102
Рабыня Пузатова	103
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Журнал «Юность»

№ 06/2020

© С. Красаускас. 1962 г.

На 1-й странице обложки рисунок Екатерины Горбачевой
«Полдень»

Наша Победа

Сергей Шаргунов

Писатель, журналист, телеведущий. Родился в 1980 году в Москве. Главный редактор журнала «Юность». Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры, национальной премии «Большая книга», независимой премии «Дебют» в номинации «Крупная проза», государственной премии Москвы в области литературы и искусства, итальянских премий Argobaleno и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, дважды финалист премии «Национальный бестселлер». Заместитель председателя Союза писателей России. Член президентского Совета по русскому языку.

**Самая непрочитанная книга о
Великой отечественной войне
Георгий Калинин. «День
един» («Сибирская
Благовонница», 2010)**

Вспоминаю разговоры с Марией Федоровной Берггольц, актрисой, сестрой поэтессы Ольги Берггольц – о том, как по хрупкому льду Дороги жизни везла продукты голодающей сестре и другим писателям с пистолетом, выданным Фадеевым.

Она говорила мне об огромном зеркале, которое свисало из окна одного из пострадавших при авианалете зданий, от-

ражая зимний город-призрак.

Почему-то это одинокое не разбившееся зеркало было для нее символом блокады.

И вспоминаю писателя Георгия Михайловича Калинина. Худой, белобородый, синеглазый.

Он мало кому известен.

«Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я – человек блокадный».

Это из его сильной и мало кем прочитанной книги «День един».

Я много общался с ним с самого детства до недавнего времени, когда его не стало.

Он говорил и записывал простую и страшную правду.

Умирили знакомые и родные, целыми семьями. Мать бывала дома несколько раз в неделю, потому что работала на заводе сутками.

Мальчишка постарше украл карточки. Юра бросился на этого соседа, от которого пахло ворованным хлебом, и двое барахтались, сцепившись, как жуткие карлики.

А еще в дом ворвался обезумевший людоед-прохожий, и чудом удалось спастись. А еще добрые старушки на улице прощальными голосами попросили спичек, и он, голодный, злобно их отшил и свою грубость вспоминал всю жизнь со стыдом.

А еще он навсегда запомнил, как маленькая девочка заиндевелыми губами просит безнадежно одно: «Хлебушка!»

Он (как и все блокадники) не мог видеть, если не доедали или выбрасывали еду.

Даже когда голубям крошили хлеб, помню, он мрачнел.

Все проходит, но все, как известно, остается с тобою навеки. Здесь же, в блокадном цикле Калинина, – короткий рассказ «Такая рыба с хвостом». Отец идет с маленьким сыном по бескрайнему полю. Ребенок зачих в городе и радостно скачет, растворяясь в природе. Отец не думает уж точно о недавнем прошлом – о той обледенелой еловой чурке, которую раскалывал топором, воображая, что это голова главного врага, объявившего войну. И вдруг ребенок выкрикивает знакомое, «отрывистое, как удар топора» имя. Отец просит повторить.

«Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я – человек блокадный».

«С гримаской удивленно-веселого недоумения, вжав голову в плечи и отвернув ее в сторону – Пожалуйста! – ты оттараторил:

- Сегодня утром под мостом поймали Гитлера с хвостом.
- Откуда это у тебя?
- Это мы в садике сочинили.
- А кто такой Гитлер, знаешь?

Словно бы моля о снисхождении, ты поднял на меня доверчивые прозрачно-голубые глаза и тихо, упавшим голосом произнес:

– Это такая рыба».

Татьяна Соловьева

Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет.

Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, сотрудник «Российской газеты».

Самая одушевленная книга о войне Андрей Платонов. «Рассказы и публицистика 1941– 1945 годов» («Время», 2012)

*Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно.
Андрей Платонов. Из записной книжки*

В 1941 году Платонову 42. Он уходит на войну добровольцем и уже в июле 1941 года едет на Ленинградский фронт, получая первые «впечатления». Их результат – написанные в августе рассказы «Божье дерево» и «Дед-солдат» (он был опубликован в 10-м номере журнала «Пионер» – это первая военная публикация Платонова, оставшаяся совершенно незамеченной, потому что вышла в детском журнале). В «Божьем дереве» корневое, природное, исконное понима-

ется как основа жизни и мировоззрения русского народа. Лист с этого дерева, которое многократно «убивала молния с неба», но которое каждый раз оживало подобно мифическому Фениксу, становится талисманом Степана Трофимова, уходящего на войну. В сцене прощания героя с матерью возникают мотивы долга, молчания и бессловесного взаимопонимания (*silentium!*).

Пространство в рассказе организовано по принципу противопоставления. Там, где остаются мать и родная деревня, он «увидел только рожь, которая клонилась и покорялась под ветром, избы же деревни и маленькая (то есть нуждающаяся в защите и спасении. – *Т. С.*) мать скрылись за далью земли, и грустно стало в мире без них». Впереди же, где встреча с врагом: «На фронте было пустое поле, истоптанное до последней былинки, и тишина (снова *silentium*, но это совсем другая тишина – зловещая, нагнетающая. – *Т. С.*). <...> Позади пустого поля рос мелкий лес, с листвою, опаленной огнем пожара и стрельбы». Герой ждет встречи с врагом, чтобы понять, что он такое. Враг обезличивается Платоновым, лишается человеческих черт: «кто это – человек или другое что?». А родная земля, опустошенная войной, напротив, олицетворяется.

Тем разительней контраст первой встречи с неприятелем. «Из-за голых ветвей... засветилось бледное незнакомое лицо со странным взглядом, испугавшим Трофимова, потому что это лицо было немного похоже на лицо самого Трофимова

и глядело на него с робостью страха». Убивая его штыком, Трофимов в каком-то смысле убивает себя. С этого момента поспешные убийства в ближнем бою становятся конвейерными, деловитыми, обыденными: «Кончайся скорее, нам некогда!» – жалости тут не место. Главенствующие чувства героя перед лицом смертельной опасности – скорбь и ожесточение, «потому что раз мать родила его для жизни – его убивать не должно и убить никто не может». Лист «божьего дерева», присохший к груди, становится в немецком плену единственной отдушиной и надеждой на возвращение. Тщетной, но небесмысленной.

Убивая его штыком, Трофимов в каком-то смысле убивает себя. С этого момента поспешные убийства в ближнем бою становятся конвейерными, деловитыми, обыденными: «Кончайся скорее, нам некогда!» – жалости тут не место.

Другой написанный в этот же период рассказ – «Дед-солдат». Дед, подходящий к стоящему у плотины неприятельскому танку, – развитие темы столкновения природного и механического, как бегущий рядом с поездом жеребенок у Есенина. Этот мотив найдет у Платонова высшее воплощение в рассказе «Одухотворенные люди», где пятеро оставшихся в живых черноморцев бросаются под неприятельскую танковую колонну, останавливая ее. В рассказе «Дед-солдат» этот образ получает развитие и в образе внука: «Алеша увидел с берега пруда, что его деда чужой человек повел уби-

вать, и побежал им вослед. Он бежал и чувствовал свое сердце, бившееся вслух от своей силы и от близости страшного врага». Маленький мальчик и старик поднимаются вдвоем против фашистского танка со всем его экипажем – и побеждают, потому что на их стороне правда. Теория малых дел, которые вдруг оборачиваются очень большими, подобно тому, как маленький ручеек из пробитой Алешей плотины оборачивается мощным разрушительным потоком.

После первой поездки Платонова на фронт – небольшой перерыв на эвакуацию семьи в Уфу, но уже в 1942 году он становится военным корреспондентом газеты «Красная звезда», где 5 сентября выходит рассказ «Броня» в сокращенном варианте (и именно его часто считают первым опубликованным военным у него), а в полном – в октябрьском номере «Знамени». Герой «Брони» пожилой моряк Саввин говорит, что для того, чтобы одержать победу в войне, нужна особая, идеальная по стойкости, броня: «Надо строить новый металл: твердый и вязкий, упругий и жесткий, чуткий и вечный, возрождающий сам себя против усилия его разрушить». Неповторимый платоновский язык, невозможные – и удивительно уместные эпитеты. «Корявость», выражающая предельную чуткость к языку: «чуткий металл» – где еще такое возможно?

Саввин и рассказчик идут в деревню, где моряк спрятал придуманный и записанный им способ производства особой брони, которая только может спасти от врага. По пути они

встречают женщину, на их глазах выбравшую смерть на родной земле, предпочтя ее немецкому плену; и другую, носящую хоронить убитых немцами печным чадом детей, чтобы закончив, лечь вместе с ними. Саввин умирает от фашистской пули, но прежде убивает всех врагов, засевших в деревне и сотворивших это. Убивает всех один, буднично, деловито, и так же буднично умирает сам: «Не в силе дело, – в решимости, и в любви, твердой, как зло...» Любовь, твердая, как зло – это тоже только у Платонова возможно. Это именно то, чему пытаются подражать его бесчисленные эпигоны, и то, чему подражать невозможно. Неназванный рассказчик, которому теперь предстоит идти одному, над телом Саввина постигает секрет чудесной брони: «Но самое прочное вещество, оберегающее Россию от смерти, сохраняющее русский народ бессмертным, осталось в умершем сердце этого человека».

После этого военную прозу Платонова печатают очень активно, хотя, разумеется, все равно не без проблем: сборник «Рассказы, были», собранный в 1942-м, так и не выйдет, как и «О живых и мертвых» (1943) и «Вся жизнь» (1945). А книга «В сторону заката солнца» будет готовиться два с лишним года и выйдет урезанной почти вдвое (десять рассказов вместо планировавшихся восемнадцати).

Андрей Платонов активно участвует в боях, много времени проводит на передовой: подо Ржевом, на Курской дуге, на Украинском и Белорусском фронтах. 6 июня 1943 года он

пишет жене: «Меня убьет только прямое попадание по башке». Не убило. Дослужился до майора. Но в 1944-м под Львовом серьезно заболевает: начинает развиваться туберкулез, который и убьет в 1951-м...

В 1942 году Платонов пишет рассказ «Неодушевленный враг». Иерархия высокого и низкого в условиях войны перестает существовать: высокое и низкое оказываются на одной чаше весов перед постоянной угрозой смерти.

«Солдат оживает быстро (снова мотив мифического Феникса. – Т. С.) потому что он скуп на жизнь и при самой малой возможности он уже снова существует; ему жалко оставлять не только все высшее и священное, что есть на земле и ради чего он держал оружие, но даже сытную пищу в желудке, которую он поел перед сражением и которая не успела перевариться в нем и пойти на пользу». Двое раненых, засыпанных землей: русский и немец, снова столкновение с врагом буквально лицом к лицу, «в промежуточном пространстве боя», под перекрестным огнем. Для каждого из них абстрактный враг приобретает вполне конкретные черты, воплощается в непосредственной близости. Немец, действующий и даже думающий по приказу фюрера, становится функцией от человека, воспринимается героем как нечто неодушевленное: «ты ветошка, ты тряпка на ветру, а не человек!». Неприателем движет чувство страха: если он не будет убивать, убьют его самого и не станут кормить его семью, находящуюся в тылу. Убивая врага, герой совершает

акт высшей справедливости, устанавливает изначальный порядок вещей: неодушевленный враг становится трупом, то есть неодушевленным буквально. «Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире», – парадокс: он вынужден убивать, чтобы победить смерть.

В том же 1942-м создается рассказ «Одухотворенные люди» с подзаголовком «Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». Уже в названии – контраст с «Неодушевленным врагом», противопоставление захватнической и оборонительной позиций. В основе сюжета – подвиг пяти черноморцев, которые в ноябре 1941-го остановили несколько танковых атак противника. Последнюю – ценой своих жизней. 10 августа 1942 года Андрей Платонов пишет жене: «Это, по моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. <...> У меня получается нечто вроде Реквиема в прозе». Получился. Получился Реквием. А еще – гимн материнской любви, по-платоновски краткий и емкий: «...он вспомнил мать, родившую его, – это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти, действующее быстрее помышления, потому что она любила его и готовила его в своем чреве для вечной жизни, так велика вом военном рассказе «Божье дерево»). И рассказ о боевой дружбе и о победе над смертью получился: «Ему стало легко, томительная слабость в его теле, от которой он

боялся умереть на ходу, теперь прошла, точно он принял на себя обязанность жить за умершего друга, и сила погибшего вошла в него». И о воинской чести и верности присяге. Платонов – автор самых странных, но самых точных описаний: «Они лежали неподвижно; железная смерть пахала воздух низко над их сердцами, и души их хранили самих себя». И о детях, лишенных войной детства. Политрук Фильченко наблюдает за игрой в смерть братишки семи лет с девятилетней сестрой: девочка приносит слепленных из глины «покойников», а мальчик совочком роет им могилы. Это и рассказ о долге, который выше страха боли и смерти: «Поднявшись, Цибулько ударил своей левой рукой о камень, чтоб из руки вышла боль, но боль не прошла и она мучила бойца; из разорванных мускулов шла густая сильная кровь и выходила наружу по кисти руки, лучше всего было бы оторвать совсем руку, чтобы она не мешала, но нечем было это сделать и некогда тем заниматься». Или о другом моряке: «Фильченко прицелился сразу всем своим телом, привыкшим слушаться его, и бросил себя в полынную траву под жующую гусеницу, поперек ее хода. Он прицелился точно – так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посередине ширины ходового звена гусеницы, и приник лицом к земле в последней любви и доверчивости».

С 1943 года, когда перевес сил оказывается на нашей стороне, к образу советского воина-освободителя в литературе присматриваются еще внимательней, и Платонову все чаще

отказывают в публикации. Среди отклоненных в это время рассказов – «Размышления офицера», «Вся жизнь», «Пустодушие».

Последние прижизненные публикации Платонова датированы 1946 годом (за пять лет до смерти): в «Детгизе» выходит «Солдатское сердце», в «Новом мире» – «Семья Иванова» (впоследствии переименованная в «Возвращение»), в «Красной звезде» – «Начало пути», в «Огоньке» – «Житель родного города». В «Возвращении» возникает традиционный для Платонова мотив: ребенок, неиспорченный, нежесточенный и несломленный, как носитель истины. Только дети понимают истинные ценности и сохраняют чистую душу, когда взрослые изломаны войной. Такой образ советского воина противоречил официальной идеологии, и вопрос с дальнейшими публикациями был решен не в пользу Платонова...

Но осталось много – несколько десятков военных рассказов и очерков, составивших объемный том.

Платонов помещает человека в центр мироздания, в его военной прозе высшим воплощением человека становится русский солдат, рожденный для жизни, но приносящий ее в жертву долгу и спасению родины. По словам Валентина Распутина, Платонов смотрел на происходящее «глазами корневого человека, посланника всех времен».

Письма и вечные платоновские записные книжки, кото-

рые столько добавляют к пониманию его художественного мира.

«В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» (Андрей Платонов. Из записной книжки).

Платонов помещает человека в центр мироздания, в его военной прозе высшим воплощением человека становится русский солдат, рожденный для жизни, но приносящий ее в жертву долгу и спасению родины. По словам Валентина Распутина, Платонов смотрел на происходящее «глазами корневого человека, посланника всех времен». Благодаря его прозе мы знаем, что и как именно он видел...

Максим Жегалин

Родился в 1995 году в городе Сенгилее Ульяновской области. В 18 лет переехал в Москву так как поступил на актер-

ский факультет в мастерскую Н.А. Райкина. Актер театра и кино по профессии. Пишет стихи и короткую прозу. Публиковался в журналах «Этажи» и «ЛитБалкон». Ученик школы «Хороший текст». Недавно выпустил сборник стихов. Сейчас в издательстве «Эксмо» готовится к выходу его книга «Чувство вина».

Самая сиреневая книга о войне **Виктор Астафьев. «Пастух** **и пастушка» («Эксмо», 2017)**

Если представить, что у каждой книги есть цвет, то какой цвет может быть у книги про войну? Красный, черный, серый, коричневый, белый или зеленый, хаки, бронзовый, серебряный и даже золотой. Но повесть Астафьева «Пастух и пастушка» – сиреневая.

И название самое неподходящее – какой же это 1944 год, откуда здесь окопы, мины и замерзшие солдаты. «Пастух и пастушка» – так может называться пастораль, водевиль, фарфоровая статуэтка, все даже не сиреневое, а розовое, весеннее, здоровое.

В повести Астафьева дело происходит глухой зимой, а пастух и пастушка – убитые случайным снарядом старик и старуха, нелепые и страшные.

«Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха прятала лицо под мышку старику».

Так их видит главный герой, взводный Борис Костяев. Эти старики долго будут мерещиться ему, сниться и всплывать в воспоминаниях до тех пор, пока он сам не станет им равным.

Книга полна сновидений. Реальна только война, она подробна, полна точных деталей и резких укрупнений: немец, у которого вши даже в ресницах, пытается купить жизнь за дешевые часы; старшина Мохнаков, больной дурной болезнью, вырывает золотые зубы у мертвецов; породистый пес наполовину сжирает своего хозяина; защитная стена из труб защищает от ветра; на другом конце линии спит связист.

И среди всего этого черного густого тумана, из которого невозможно выбраться, от которого невозможно отмыться, появляется Люся – совершенно чистая, в сиреновом облаке – лихорадочное видение, сон.

«Никак она не постигалась и не улавливалась. Даже когда смеялась, в глазах ее оставалась недвижная печаль, и глаза эти так отдельно и жили на ее лице своей строго сосредоточенной и всепо-нимающей жизнью».

В пасторальном мире нет места настоящей любви, здесь возможна только влюбленность, игра. Но когда пастораль дана на мгновение, а дальше – хлоп и снова мясо, кровь, копыт, тогда все приобретает роковое свечение, тогда ночи темнее, минуты – длиннее, шорохи – громче, а Люся – любовь первая и последняя, единственная на белом свете, навсегда. Тем более что Борису 19 лет, и вдруг посреди войны и снега – сбывшийся эротический сон.

*«Скотина! Животное! – ругал себя лейтенант, но ругань
вовсе отдельно существовала от него. В уме – стыд, смя-
тение, но в тело льется благостное, сонное успокоение.*

– Вот и помогла я фронту».

Вторая часть повести называется «Свидание». На кухне спят пьяные солдаты, на сосне висит повешенный немец, Борис и Люся лежат в темноте, голые и неловкие, обдумывающие каждое движение, каждый поцелуй, боящиеся спугнуть наваждение. Он рассказывает о сиреневой музыке, которую когда-то слышал, о пастухе и пастушке, которых когда-то видел на сцене, обещает вспомнить, вернуться, спрыгнуть на перрон. Она закуривает, обещает ждать в белом платье.

Но когда пастораль дана на мгновение, а дальше – хлопок и снова мясо, кровь, копоть, тогда все приобретает роковое свечение, тогда ночи темнее, минуты – длиннее, шорохи – громче, а Люся – любовь первая и последняя, единственная на белом свете, навсегда.

Оба знают, что ничего не будет, что с рассветом все закончится, что вообще все закончится цветом красным или черным, но а вдруг нет. И всю ночь мучают свою мечту, и ты мучаешь ее вместе с ними. Автор дает надежду и тут же ее отбирает – все это морок, представления, сказки – просыпайся.

*«Люся слушала, боясьдохнуть, знала она, что никому
и никогда он этого не расскажет, не сможет рассказать,
потому что ночь такая уже не повторится».*

Сиреневый – предсумеречный цвет. Если смешать цвет закатный (розовый) и цвет сумеречный (голубой) – получится сиреневый. Цвет тихого часа, послеполуденного сна, самого тяжелого сна, в который приходят незваные гости, в котором плавают лица и мечтания, после которого долго не можешь прийти в себя. И снится Борису баня, плывущая по крови, и какие-то знакомые глаза, и бабочка садится на руку, и кто-то зовет повариху Люсю, чужую Люсю, не его.

Борис умирает долго. Дурацкая, ни разу не смертельная рана – и заражение крови. Он едет в поезде, на верхней полке, где, смешавшись со стуком колес, превратившись в кашу, сознание его моргает, обрывается, и тешит себя видениями:

«Музыки он уже не слышал – перед ним лишь клубился сиреневый дым, и в загустевшей глуби его плыла, качалась, погружаясь в небытие, женщина со скорбными бездонными глазами богоматери».

Не повторится, не вернется, никого нет, кроме медсестры Арины и сумасшедшего старика внизу. Борис, закрывай глаза.

«Под опустившимися веками еще какое-то время теплилась багровая, широкая заря, возникшая из-под грозовых туч. Свет зари постепенно сузился в щелочку, потом потух, и заря остыла в остеклевенных глазницах».

Наступила тьма, тьма какая-то языческая, где тело его оставляют в товарном вагоне, где его ищут волки, где пьяный станционный сторож хоронит его, перепутав ноги с головой,

вбив вместо креста кол, где Люся находит его, плачет, прижимается лицом к могиле.

А может, и нет, может, это все сон. Нет никакой могилы, как и миллионов других могил. Спи бестревожно.

Поэзия

Игорь Малышев

Родился в 1972 году в Приморском крае. Живет в Ногинске Московской области. Работает инженером на атомном предприятии. Автор книг «Лис» «Дом» «Там, откуда облака» «Норнюшон и Рылейка» «Маяк» «Номах». Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и фестиваля «Золотой Витязь». Финалист премий «Ясная Поляна» «Большая книга» и «Русский Букер».

«Ничего не исчезнет. Все здесь...»

Ничего не исчезнет. Все здесь.

Мы капли. Вышли из океана и уйдем в океан.

Там мой отец, моя кошка,

И лошадь, которой правил дед Иван.

Дед Иван, он возил воду и не умел материться.

Там пруд, что давно пересох, и сожженные книги, все до последней страницы.

Там стихи, что я сочинил, но забыл, и все снеговики растаявшие.

Времени нет. Все здесь. Даже умершие и отчаявшиеся.

«Галина Бениславская смотрит на пистолет, сидит у могилы Есенина...»

Галина Бениславская смотрит на пистолет, сидит у
могилы Есенина,

Пишет записку, что все потеряно, и все дорогое теперь в
могиле, на дне ее.

Ночь холодна, и она продрогла, сухи глаза ее, сухо горло.
Могила еще тепла, она ходит сюда каждый вечер.

Память не отпускает ее, время не лечит.

Есть такие истории в мире, которым не помочь, как ни
жалуйся.

Полугрузинка-полуфранцуженка, теперь на Ваганьково.
Вся.

«Человек что-то вроде двух лет...»

Человек что-то вроде двух лет,

Что не знает ни дня, ни ночи,

На дорогу глядит, там отец

И в руках его белый бидончик.

В том бидончике спит молоко,

И его через день покупает

Лейтенант артиллерийских войск.
Мой отец, мой папа, батяня.

Человек сорока с чем-то лет
Отчего-то теперь вспоминает,
Как идет по дороге отец
И как белый бидончик мелькает.

Под мостом

Деревянный мост через речку.
И под этим вот самым мостом
То ли некто живет, то ли нечто,
Наделенный пушистым хвостом.

Днем он скачет в кувшинках, беспечен,
Напевает, порхает листом,
То ли некто, а может быть, нечто,
Но с пушистым, как елка, хвостом.

По ночам он купается в речке
И дробит отражение звезд.
То ли некто, а может быть, нечто.
А потом выжимает свой хвост.

Жизнь его быстротечно-беспечна.
Он резвится на сваях моста.

То ли некто, а может быть, нечто,
Обладатель красавца-хвоста.

Он глядится в течение речки,
Чья вода глубока и чиста,
Видит он отражение нечто,
И при нем отраженье хвоста.

А зимой над замерзшею речкой
Засыпает он в щелях моста.
То ли некто, а может быть, нечто,
Обернувшись уютом хвоста.

В величии и ризе покаянья

Конечно, мы знаем, что, аналогично русской письменности, сербская созрела на почве хотя и схожей, но все-таки инославянской, именно благодаря книгам Священного Писания, переведенным с греческого языка святыми Кириллом и Мефодием, а также их последователями. Но это далекое прошлое, которое хорошо знают даже не все специалисты по данной тематике. Более того, несмотря на то что с Сербией у России были всегда особенные, братские отношения, современная сербская (югославская) литература в нашей стране известна плохо. Безусловно, мы знаем, что славу ведущего сербского поэта делит с Бранком Радичевичем его современник Петр Негош, последний черногорский «владыка». О Негоше знают даже те, кто, в сущности, никогда не интересовался искусством Балкан. Знают, поскольку за последние годы наши граждане постоянно посещают Черногорию и Сербию. Знают некоторых авторов, которые появились в XX веке сербской литературы. В первую очередь это Иво Андрич, который за книгу «Мост на Дрине» получил в 1961 году Нобелевскую премию. Знают замечательную поэтессу Десанку Максимович. Ей вообще повезло с русскими переводчиками, ее поэзию переводили такие разные и сильные авторы, как Леонид Мартынов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Белла Ахмадулина, Иосиф

Бродский. В этом значительном списке числится и Анна Ахматова. Знатоки считают, что по адекватности передачи образов и смыслов лучшими являются ее переводы. Да и сама Максимович хорошо знала русскую и польскую поэзию, внесла свой вклад в переводческую работу.

И все-таки это «отдельные моменты любви...», которые не дают общей картины, особенно это касается современной сербской поэзии. А между тем поэтический ландшафт сербской поэзии далеко не беден. Это заметно по отдельным публикациям в нашей периодике, по антологии современной сербской поэзии, которую тщательно составил и выпустил в свет поэт и переводчик Сергей Гловюк, где наряду с Радомиром Андричем, Брониславом Вельковичем, Адамом Пуслоичем соседствуют молодые авторы. В развернутой подборке известных сербских поэтов, которую предлагает читателям «Юность», ярко представлена поэзия значительного сербского поэта Владимира Ягличича. Он родился в 1961 году в Нрагуеваце, где живет и сегодня. Автор пятнадцати поэтических книг, а также четырех романов и одного сборника рассказов. С русского, английского и французского перевел много книг. Лауреат крупных литературных премий Сербии, премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Его поэтика ненавязчива и вместе с тем оригинальна, его голос хорошо вписывается в русскую поэзию, сочетая в себе современную

метафоричность и точные смыслы между прошлым и будущим. А вот член Сербского философского общества, руководитель УНС (ассоциации писателей Сербии) Милован Витезович (род. в 1944-м) совсем другой автор. Был редактором литературных журналов и телеведущим на Белградском телевидении, является профессором Академии искусств. Пишет стихи, романы, драмы, телесценарии, книги для детей, эссе и афоризмы. Вышло около сорока его книг более чем в двухстах изданиях. В нашей подборке представлен свободными стихотворениями на вечные русские темы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой... Белградец Данило Йоканович родился в 1956 году в Подгорице, работает главным редактором небольшого интеллектуального издательства «Грамастик», которое пользуется популярностью у посетителей Белградской книжной ярмарки. Он автор ряда поэтических книг, перевел с русского на сербский дневник Михаила Булгакова «Под пятой». Лауреат российского литературного форума «Золотой витязь» 2019 года.

Будучи в прошлом году гостем и участником 56 белградских (наследие югославских времен) международных встреч писателей, мне довелось познакомиться и выступать со многими поэтами и прозаиками на самых разных площадках страны: с уже давним знакомым Александром Петровым (пишет на сербском и русском языках), который видит сны о том, как спит Красная площадь, с

веселым печальником Мирюлько Вукадиновичем, с Братиславом Милановичем, у которого запросто живут в доме старые мифы и «сто лет не звонят телефоны...». Помню и серьезную, такими, кстати, оказались и ее оригинальные произведения (иногда ироничные), Мирьяну Булатович, а вот с Милошом Янковичем, у которого «небо на ангела стало богаче...», лично не знаком, но подборку его прочитал с неослабевающим вниманием.

Помимо перечисленных авторов, в этой публикации представлены и другие поэты, любезно рекомендованные переводчиками. Разумеется, это далеко не весь спектр нынешней сербской поэзии, но все-таки по некоторым ее рекам благодарный читатель может уверенно плыть.

Евгений Чигрин, Москва

Радомир Андрич

Под прицелом

Славомиру Гвозденовичу

Со всех сторон самые искусные стрелки,
члены убойной команды целятся
в очи, в адамово яблоко, в горло,
в родимое пятно на левой лопатке,
в черную точку на краю светлой памяти,
в кириллицу, в еще свежие
раны на ладонях, не так давно
прибитых к великому кресту
в Грачанице, в Печскую патриархию,
в Богородицу Левицкую, в келью
Триединой троицы, в таинство
крещения, туда, где больше всего,
в светлое полотно, сотканное
прозрачными небесными нитями
на языке предков.
Погибнуть
не может только Тот,
кто не был рожден перед выходом
на место расстрела,

но и он умирает с нами,
как живой.

Кажется,
и море расступилось,
а мы дальше и дальше от рассвета
на берегу реки у домов, воздвигнутых во сне.
Когда же, наконец,
чьи-нибудь уши,
Господи, вслед за муками
Твоего Сына
уловят безутешный плач
из наших христоробивых
уст и он вольется в них
без остатка.

Со всех сторон наемники смерти
держат нас под прицелом и спускают
из адских пещер
бешеных псов,
чтобы они наелись досыта этой святой
землю, на которой мы кровоточим,
на которой ждем, что за
нашей высокой Голгофой
упадет звезда огненная
и ослепит очи полные
бешенством и злобой.

Перевод Сергея Гловюка (Москва)

Иногда поутру

То, что и не смели мы до переселения никому сказать, теперь является на неизведанном пути голодом и жаждой молодых яблоневых побегов в саду родном, откуда и начался наш исход, когда связанные общей болью в черных одеждах, мы шли, не ведая, что мы уже немые, и только лишь иногда поутру Грачаницкий колокол наполняет старые соборные площади целебным звуком надежды.

Миловак Витезович

Александр Сергеевич Пушкин

*Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.*

Булат Окуджава

Время, потраченное не на любовь
Он считал потерянным

Погружаясь в кутежи
Встретил Пиковую даму
В облике Натальи Гончаровой
С полной уверенностью
Что и ее сочинил

Умирать ему не хотелось
Но исполняя долг чести
Вышел на дуэль

Ведь и поступки его

Тоже должны были
Его пережить

Михаил Юрьевич Лермонтов

В Петербурге
Идя по стопам отца
Выучился на офицера

Выдержал несколько битв
Прежде чем взялся за перо

За стихи на смерть Пушкина
Заработал изгнание

Когда напевая
Верхом поскакал в вечность
Под ним вздыбливался Кавказ

Николай Васильевич Гоголь

Оживил Мертвых душ
Своим духом
И умер живым

Гоголевская Шинель
Теперь главный цензор
Он отдал ее придворному закройщику
Вывернуть и распороть

С тех пор из нее
Выходят великие русские писатели

Лев Николаевич Толстой

Когда Лев Толстой
С чувством собственного достоинства
Повернулся к Богу спиной

Бог не мог оставаться равнодушным

Раздумывал
Пойти ли за ним

Сознавая свой
И его авторитет, решил:
Подожду-ка его я в Астапово

Сергей Александрович Есенин

Сначала Константиново
Было ему Москвой
После Москвы
Не мог оставаться в Константиново

Покинул
И Москву, и Константиново

Уходя
Остался вечным юношей
За три десятилетия прожил
Триста исключительно молодых лет

Никогда так и не понял
Что его притягивает вечность

Перевод Елены Буевич (Черкассы, Украина)

Владимир Ягличич

В музее Коки Янковича¹

Из окна музея мне открылось поле,
муравьев-рабочих много полуголых,
на лесах, на стройке, свет играет вволю.
В октябре медовом звонко кружат пчелы.

Как тепло! Рубаху распахнул рабочий,
от тепла и света поле зеленеет.
Светлой пеленою мне накрыло очи,
потерял я голос, все во мне немеет.

Как меня накрыло поволокой странной?
Может, неизвестность отняла дар речи,
свет теперь повсюду, день молчит румяный,
будто обнаженной дамы вижу плечи.

Человек естествен, правильна природа.
Здесь я – в этом мире? Он подобен раю.
Даже решетом я набираю воду,
а душистый воздух шляпой собираю.

¹ Никола Кока Янкович – скульптор, академик, родился в Крагуевце. После его смерти в Крагуевце, на окраине города, был создан его мемориальный музей.

Весь внутри прострелен яркими лучами,
будто каракатиц пальцы – я текуч,
тьме назло всемирной, вопреки печали, —
я и сам – луч.

Перевод Аллы Козыревой (Москва)

Капуста

Неспешно выросший качан широколистый,
готовый к сечке туготелый шар хрустящий,
засола ждет, когда на бочку крест плечистый
положат сверху и пудовый камень – к вящей

и пущей верности. Квашенье – род искусства
(что лишь немногим знатокам сулит удачу).
Пока что снята с гряд и сложена капуста
и бочек ждет своих, покрепче, побогаче.

И вот, посечена хозяйскими руками,
в день остывания осеннего светила,
умножась в сущности своей под тесаками,
она несет в себе достоинство и силу,

готовность к жертве без малейшей тени грусти —
под бодрый стук, под золотистый отблеск кадки.
Какая мудрость в этих головах капусты,

все отдающих – ныне, здесь и без остатка!
Все обретающих в осеннем онеменье,
все то, что отдано без страха и сомненья.

Дары

Миловану Беконьи, скульптору

Когда проводишь друга – снова, снова! —
в нездешний мир, в загадочную тишь,
закрывшись в мастерской, не помня слова,
с немым резцом опять заговоришь.

Но все шумы, весь хаос многоликий
в затворничество целятся твоё —
шаги влюбленных, фар вечерних блики,
околичное, с лаем псов, жильё.

Пусть гул толпы бахвалится победой.
Но надо было с демоном сойтись
в единоборстве ради правды этой —
искусства, светом полнящего жизнь.

И пусть друг друга рвут они на части,
ни разума не помня, ни стыда, —
и те, кто рвутся к вожделенной власти,
и те, кто должен уступить места.

Ты знаешь: шум машин, надменно-сухо
звучащий, страсти зов, поход во власть —
все это – не от сути, не от Духа,
и, как вселенский прах, должно отпасть

перед смиренным обликом иконы.
Все лжи слои осыпаться должны
пред вечным, перед тем, что ждет исконно
на самом дне духовной глубины.

И только тот, кто наших слез достоин,
кто прожил и ушел как человек,
вернется в некий час, поэт и воин,
чтоб с мастером вдвоем назвать свой век

по имени. Взгляни же миру в очи,
ваятель, чтоб в резце себя нашла
надежда, чтоб Судья небесный зорче
вгляделся в штрих-пунктир добра и зла.

Чтоб в дереве, металле или камне
прошли бы пред судом Его седин
тысячелетья следом за веками —
пешком, бегом ли, «формулой один».

В счастливой силе дня ты и не вспомнишь,
что слаб и наг, что на две трети сед.
Лишь в мудрой одинокой думе полночь

шепнет, что каждый свой оставит след.

И этот след на вязком бездорожье —
итог трудов резца и мук пера.
Свой нежный дар Христу и плану Божью
несут сквозь скудость мира мастера.

Несут сквозь казнь бездушья и бездумья
отвагу и отзывчивость сердец,
дабы, итожа счет жестокой сумме,
простили хоть часть стадам своим Отец.

Таз

Во дворе, возле крана с водою, почти у забора,
долгий век доживает посудина старого таза.
Он служил еще бабушке, помнится, в прежнюю пору,
а теперь в его чаше герань расцвела яркоглазо.

В нем купали меня. И касались Господнего чада
Иорданские воды в купели его допотопной.
Потому нам доньне, за слабую веру награда,
льются ливни с небес, над асфальтом, над грядкой
укропной.

И хоть мухи жужжат над отжившим железным сосудом,
все искрится его оцинковка под солнцем средь зноя.

И смирившись с кончиной своею, с часов самосудом,

он и участи нашей крупницы уносит с собою.

Он, кто первым узрел наготу нашу, Божью убогость,
омовений родительских помнящий нежность и
строгость.

Обоснование отсутствия

А мы с Борой Хорватом² отсутствовали как мертвые,
пребывая в иных краях – посущественней, поважней.
Не было с вами нас, лишь посмертные абрисы легкие
на земле мы оставили. С ветром минувших дней,
с ритмом его искали гармонию строки наши,
чтобы не каждый понял слова, но голос любой узнал.
Жить – тяжелей, но поется – все легче, все дальше.
Вот и забудьте о страхе, вы, кто нас услышал.

Перевод Сергея Шелкового (Харьков, Украина)

² Бора Хорват – сербский поэт, умерший в Крагуевце.

Данило Йоканович

Грачаница

Как тебя из слов построить, Грачаница,
чтобы умилиться, а не отчаяться?

Чтобы никогда не терять из виду
со стены глядящую Симониду.

Чтобы подсобили святые сербские
унести тебя в своем сердце, и

чтоб любой из нас, где ни погляди,
по одной Грачанице нес в груди.

Косово и Метохия

*Что берег в душе от вышних,
то огонь уже повыжег,*

*пламенем – по рукам,
вспышками – по устам.*

*За слезы о чьем-то сыне
за погранные святыни,*

*за птицу, сбитую влет,
душа к отмщенью зовет.*

Крест, меч и речь мою —
Косову отдаю.

В Метохии – сны мои.
С подъязычным ядом змеи

пойду в монастырь Дечаны —
оставить старые раны,

и силой памяти призван,
вернусь к тебе, древний Призрен:

разрушенные, в чаду,
Архангелы³ обойду.

Перевод Елены Буевич (Черкассы, Украина)

³ Монастырь Святых Архангелов около Призрена в Косове.

Бранислав Зубович

Хлеб

Мы готовили из пепла
Хлеб.
Замешивали его слюной,
Заливали водой,
В которой отражалась луна.
Мы добавляли уголья из орехов
И порох какой-то лечебной травы,
Переливали юрьевской росой
И снова добавляли
Одну каплю воска,
Чтобы душа лучше легла
В яму посередине.
Такой хлеб,
Испеченный на солнце,
Мы не ели,
Но зашивали в пояс,
Сотканный из соли,
И в глухой час ночи
Бросали собакам.
Как говорится,
Лечили ужас.

Не зная, что только
Дым
Стал
Нашей жизнью.

Перевод Бориславы Дворанац (Сербия)

Мирьяна Булатович

Темноокая песня (Фрагмент)

Сыну, Матии

Я сманила тебя оттуда, где было тебе светло,
в этот мир, где живая душа дешевле полущки,
что ни сей – слишком поздно тут всходит добро,
слишком рано – зло,
и поэтому ты не спеши выйти вон из нашей избушки.

Ты возьми себе в помощь, как в начале времен,
зверолова чутье – знатока повадки звериной.
Много в городе комнат-пещер, и со всех сторон
праисторию жалит будильников рой комариный.

Вот куда соскользнул этим летом ты с неба. Но
Твой Всевышний Отец тебя видит. И, вероятно,
Он тебе дал все то, что мало кому дано
для прорыва сквозь тьму и для возвращения обратно.

Перевод Екатерины Полянской (Санкт-Петербург)

Милош Янкович

Истинное положение вещей

Коль одинаково слева и справа,
Надвое поровну делится тело,
То отчего не поймет это, право,
Наша душа, хоть и кажется целой?

Так почему она все разделяет,
Учит все равными видеть частями —
Даже себя. Выбирать заставляет
Меж одинаковыми смертями.

Так для чего я ищу ежечасно
Суть: выбираю, решаю, листаю?
Времени, что потерял я напрасно,
Для одной истины еле хватает.

Если все схоже – тогда все едино,
Жизнь – лишь отрезок меж точками страха,
Все, что мое, все, что бедно и – дивно
Станет в итоге лишь горсточкой праха.

Перевод Екатерины Полянской (Санкт-Петербург)

Братислав Миланович

«Тихо в нашем доме...»

Тихо в нашем доме,
Ни воды нет, ни пищи,
Невозможно заснуть
На сопревшей подушке.
На посуде слой пыли,
В чулане висит паутина,
Жестяные рога на стенах,
На них плесневееет наша надежда,
Старые мифы,
Умолкнувший мир.
Мы говорим, но слов не слышно.
Нам снится Земля Светозарная...
Мы сидим на корточках на пороге,
Гордые, облинявшие.
Уже смутьяны о нас забыли
И давно нам палками не грозят.
Тихо в нашем доме,
В очаге блестит ледяная корка,
В зеркалах разбитые лица,
Глаза, ставшие серыми
От прошедшего и грядущего.

Уже сто лет как колокол не говорил,
Уже сто лет как не звонят телефоны,
Родные под кров не слетаются,
А коты не справляют свадьбы в подвале,
Тихо в нашем доме:
Ни вода его не зальет,
Ни гром в него не ударит.

Перевод Музы Павловой (Москва)

Совместно с порталом «Хороший текст» «Юность» публикует работы победителей конкурса «Любовное стихотворение»

Ирина Толстикова

Страшила и волшебник

Куда ты шла с конфетками в кармане,
С коробкой разноцветных капитошек,
Простая, как полотна Пиросмани.
Изящная, как черная калоша?

Условия условному рефлексу
Поставлены, как жесткий ультиматум.
Страшила шла к волшебнику за сексом,
Загадочная, как шпионка Мата.

Волшебник был не то чтоб очень добрый.
Волшебник был красивый, как лисица.
Опасный, как испуганная кобра.
Страшила – она та еще тупица.

Как Муська за кошачьей дикой мятой,
Она чесала, матушка-природа,
Заранее в разорванном и мятом
По самым оживленным огородам.

Ей сельский хор читал «Безумству храбрых...»,

Она была для местных не чужая,
Но без горизонтального макабра
Не будет, как известно, урожая.

И вот она лежит на мягкой пашне,
Подарок без коробки и без банта.
Волшебник подошел во всем домашнем.
В халате, на серебряных пуантах.

Она просила сразу слишком много.
Он на нее смотрел тепло и мерзко,
С какую-то брезгливой поволокой,
Как будто страсть тушил по-пионерски.

А ей-то что? А что ей, в общем, надо?
Побулькать, как кипящее варенье.
Услышать заклинание «Авада...»
И стать благоуханным удобрением.

Вчера я вспоминала о Страшиле,
Когда хрустящий хлеб с повидлом ела.
В башке твоей опилки. В попе шило.
Твой первый и последний танец – белый.

Vasily Shomov

Ты ждешь

Ты ждешь меня
Из похода на край Ойкумены,
Где минута длиннее ночи Алкмены, а неделя длиннее
года,
Где луна спорит с солнцем, где непогода и широта с
долготой переменны.

Ты ждешь меня
И смотришь в экрана окно.
Почтальоны не в моде давно и не носят известий,
Но конвертик в углу, в век бесчисленных несоответствий,
появляется все равно.

Ты ждешь меня
Из-за Моря Дождей и отмелей синего цвета.
Я дрейфую под парусом лета, под звездой в сто тысяч
четыреста сорок четыре карата
И слежу за крылом фрегата, он выведет. Он – птица-
астролог, птица-примета.

Ты ждешь меня.

Это человеческого магнита вечный закон.

Это не физика, не Дирака бозон. Он сильнее плюса и минуса, жизни и смерти.

Мы свое притяжение чертим и в разбегающихся вселенных, умеем звучать в унисон.

Ты ждешь меня,

Не спишь и ловишь мой голос в ракушке-трансляторе,
В шуме подземного ветра метро и на эскалаторе, сквозь помехи радиоэфира.

И из параллельного антимира к тебе летит «люблю»-смс в половине пятого.

Ты ждешь меня,

Как никто никого никогда не ждал.

Не ударами сердца цимбал, но запястьями, кожей, эритроцитами, нервами,

Моими последними дюймами и своими рассветами блекло-фанерными. Может, так уже кто-то кого-то ждал?

Может. Но не так, как ты.

Анна Бабина

Кольцо

Лето сползает с крыши выцветшим покрывалом,
Голубь взлетает в небо ровно по счету «три»,
Я выхожу на солнце, смело подняв забрало,
Только дрожат колени и пустота внутри.
Летом все стало проще, летом мы стали ближе,
Лето туманит разум, словно бокал вина.
Я утопаю смело в пряной и сладкой жиже,
Я выпиваю лето – залпом, глотком, до дна.
Листья полощет тополь в небе, как в бурной речке,
За гаражом в овраге штурмом берут редут.
Мы из травы сплетаем тоненькие колечки —
Нас ни года, ни страны в жизни не разведут...
Кличет в ветвях кукушка, время летит под горку.
Мы разбрелись по свету, ухнули в бездну лет.
Взрослая жизнь порою мерзкая, как касторка,
Где ты, счастливый, звездный в детство мое билет?
Снова настало лето, ветер стучится в стекла,
В город, где было детство, поезд меня везет,
Солнце слепит нещадно, даже щека намокла.
«Странная эта тетка, что она так ревет?»
Старая голубятня выжила, как ни странно,

А над оврагом строят новый высотный дом.
Я набиваю солнцем сумочку и карманы,
Впрок запасаясь ветром, вволю и на потом.

Пусть повезет разочек, я же авантюристка...
Птицей лечу с обрыва, ветер когтит лицо,
В пестрой тени акаций кто-то до боли близкий
Складывает травинку в тоненькое кольцо.

Проза

Коля Бац

Родился в 1977 году в Москве.

Вырос в Литве. В 2000 году в городской газете г. Клайпеды были опубликованы его первые литературные опыты на русском языке. Работал на телеканале «2x2» в Москве. Сейчас живет и работает в Амстердаме, Нидерланды.

Мертвый сантехник

1

Мертвый Сантехник ходит из дома в дом. Приходит даже если его не звали. «У вас течь?» – спрашивает. Представляется странным даже для сантехника именем Идаинет Идаинетов и требует проводить его к стояку. Упрямять не имеет смысла. Мертвый Сантехник будет круглые сутки крутиться у дома, заглядывать в окно, колотить в дверь, но что хуже всего – звонить по телефону и тяжело дышать в трубку. Лучше сразу пустить. Пусть повозится, подкрутит гайку-другую, авось угомонится да отправится восвояси.

2

Мертвый Сантехник, если уж совсем начнет чудить, может заявиться совершенно голым. Продемонстрирует багро-

вый шрам от вскрытия на груди. И кое-что еще, чуть ниже. Особенно если дверь откроет миловидная домохозяйка. «Ну-у-у, – всплеснет она руками, – тут уж никого никуда провожать не надо. Все при себе».

3

Мертвый Сантехник хорош еще тем, что, в отличие от живых, очень тщательно выполняет свою работу. И, как правило, не берет даже денег. По крайней мере, лишних. Так что если надумаете звать сантехника, зовите мертвого.

4

«Ну и как оно – там?» – спрашивают иногда Жильцы у Мертвого Сантехника для поддержания беседы, пока тот, сторбившись, у унитаза корячится. Спрашивают и куда-то вверх неопределенно кивают. «Скучно, небось?» – интересуются. А Мертвый Сантехник немногословен. «И да, и нет, – отвечает. – И да, и нет».

5

Мертвый Сантехник слоняется во дворе. Кружит у чьей-то давно заброшенной черной «Волги». И чем она ему так

нравится? Кузов весь проржавел, стекла выбиты, фары тоже, внутри – не пойми что, заднего сиденья почему-то нет – куда делось? Зато водительское и пассажирское – на месте. Руль тоже. Покружит, покружит, да сквозь разбитое стекло забьется внутрь. Посидит за рулем. Вылезет. С ужасным скрежетом откроет капот. Поковыряется в том, что от движка осталось, да как хлопнет крышкой, что аж все милovidные домохозяйки за левую грудь разом схватятся.

По дороге Мертвый Сантехник наблюдает всплывшую у берега и вмержшую в лед подводную лодку. «Странно», – думает. Хотя чего тут странного? Мертвый Сантехник ведь тоже как эта лодка – вроде должен быть под водой, а всплыл.

6

Весной, все лето и до самой поздней осени во дворе, прямо за коробкой (которая летом попеременно – то футбольное поле, то баскетбольная площадка, а зимой наоборот – каток) Жильцы шумно-весело жарят шашлыки. Выпивают. Песни поют. В самый разгар веселья чуть поодаль появляется Мертвый Сантехник. Стоит, наблюдает. Его не сразу замечают. А когда заметят, чуть приумолкнут. Хозяйка стола нальет в пластмассовый стаканчик водки, положит на пластмассовую тарелку пару-тройку кусочков сочного мяса, зелени, приправ. Тарелку и стакан передадут самому юному

участнику торжества – чаще всего девочке. Девочка спешит, чуть не падает – несет дяде гостинцы. (Среди Жильцов есть поверье – если Мертвый Сантехник выпьет, крикнет, зажмурится, проглотит кусок мяса, а следом улыбнется и потреплет девочку по голове, то у такой девочки все в жизни сложится хорошо.)

7

В магазине «Все для дома» работает Зоя. Разбирается в ассортименте получше некоторых. Некоторые из-за этого ее даже побаиваются. В особенности когда приходят купить какую-нибудь нужную деталь, а точного названия не знают. «Зоя, дай-ка вот эту штучку», – говорят и пальцем показывают. Зоя немедленно таких пристыжает. «Ну что ты такое говоришь? Какая это тебе штучка? – отвечает. – Штучка у тебя в штанах, а это – штуцер!»

8

Мертвый Сантехник приходит в магазин «Все для дома» покупать герметик. Долго вертит его в руках. Но рассматривает не столько герметик, сколько продавца. Исподлобья бросает взгляды. Та тоже на него поглядывает. Наконец Мертвый Сантехник решается. Подходит к кассе, протяги-

вает герметик, говорит: «Вот». Коллеги по магазину смотрят на Зою, удивляются – такая непробиваемая, а погляди-ка – покраснела. «Вам в пакетик положить?» – вежливо спрашивает. Тут Мертвый Сантехник неожиданно выдает – как пятнадцатиклассник плохо заученный стишок: «Вы – горячая штука! Что верх, что низ – не обожгись!» Зоя еще гуще краснеет и отпускает товар, хотя в карманах у Мертвого Сантехника вместо купюр – палая листва, взамен мелочи – каштаны.

9

Зимой, когда замерзнет Водохранилище, Мертвый Сантехник ходит по льду на ту сторону. Там живут живые сантехники. У них там что-то вроде слободы. Никого чужого они близко не подпускают. Поэтому живут без газа и света. Зато с отоплением. По дороге Мертвый Сантехник наблюдает всплывшую у берега и вмержшую в лед подводную лодку. «Странно», – думает. Хотя чего тут странного? Мертвый Сантехник ведь тоже как эта лодка – вроде должен быть под водой, а всплыл.

10

«Ты кто?» – спрашивает Мертвого Сантехника патруль сантехников живых. «Я – Идаинет Идаинетов – Мертвый

Сантехник». Патруль отходит в сторонку. Совещается. Потом снова подходит и говорит: «Иди-ка ты туда и туда, Мертвый Сантехник Идаинет Идаинетов!» А тот как будто не слышит. Или слышит, но не понимает. Ломится куда-то вперед, пытается пробить живую стену из живых сантехников. Но те его не пускают. И потихонечку начинают бить. Мертвому Сантехнику, казалось бы, что с того? Он ведь и так уже мертвый. Но все равно неприятно. Поэтому он разворачивается и идет обратно. «Ничего, – успокаивает себя, – зато еще раз на лодку погляжу».

11

Летом, все там же, на Водохранилище, Мертвый Сантехник всю резвится. Зайдет в воду там, где никого нет, и по дну топает в сторону пляжа. На дне чего только ему не попадает. Но сейчас не об этом. Подойдет к пляжу и где-нибудь у берега, в самой гуще купальщиков, возьмет да всплывет вверх брюхом. «Утопленник! Утопленник!» – орут со всех сторон. Через минуту – пляж пуст. Мертвый Сантехник выходит из воды, садится на пустую скамейку, сохнет. Солнце на воде бликует. Пляж совершенно пуст. Мертвый Сантехник улыбается – своей шуткой очень доволен.

По выходным Мертвый Сантехник ходит в центральную районную библиотеку имени Ломоносова. Иногда там случаются кинопоказы, и Мертвый Сантехник с удовольствием смотрит «Зеркало». Но больше любит читать. Садится в самом дальнем уголке читального зала и читает: «Илиаду», «Золотого Осла», «Метаморфозы». Ему очень нравится. Именно в такие моменты, именно здесь, в читальном зале, Мертвому Сантехнику страшно хочется отпустить бороду, которая в силу профессии у него просто-напросто не растет. Длинную, густую бороду. Он носил бы, на худой конец, и какую-нибудь эспаньолку, хотя это, конечно, стыд и срам, а не борода. Но у Мертвого Сантехника и такой нет – и не будет. Потому что он пусть и мертвый, а сантехник, а у этих испокон веков – как подкова на счастье – висят под носом усы-карпаты.

Богиня липовой рощи и абиссинских котов

I

Она шла по липовой роще, запрокинула голову и упала навзничь. Трава была мягкой, как перина, – удерживала ее на весу. «Земля все слышит», – сказала она и опустила руку в кротовую нору. Так она думала закрыть Земле уши. «Небо, – сказала она, – хочешь, я рожу тебе дочь?» По небу пролетел самолет. Или птица. Только все это напрасно. Земле совсем необязательно затыкать уши. Она ведь не любит слушать. Куда больше любит поговорить сама.

II

Если судить строго, она была никудышным учителем. Начнет рассказывать тему урока – абиогенез – как откуда ни возьмись класс заполонят абиссинские кошки. Может, в образовательном плане это, конечно, и никуда не годится, зато дети спокойны, глядят котов и, обращаясь к учительнице на «ты», говорят, показывая на изогнутые спины котов: «Геля! Геля! Смотри! Верблюжата!»

III

«Не стереги свой возраст, – говорила бабушка Геле. – Пусть идет куда хочет. И спать его в дом не зови. Он тебе не друг и не враг. Не бойся, не пропадет», – говорила бабушка. Никто не знал, сколько Геле лет. А если кто и знал, ей этого не говорил. Та все равно бы не поверила. Засмеялась бы – и не поверила.

IV

Все знают одно наверняка – Геле нельзя дарить цветы. Никакие. Ни сладко-пахучие, ни грациозно-кудрявые, ни даже простоволосые. Зато можно – мокрых лягушек, стук в дверь и ноту ми. Но если хотите ее по-настоящему обрадовать, не дарите вообще ничего. Тем более в самый большой для нее праздник – третью среду третьего месяца. Случается такое нечасто. Вот и не дарите ей ничего! То-то она обрадуется!

V

Роща – одно название. На самом деле это два ряда деревьев. По шесть-семь в каждом ряду. Так что это скорее не роща, а так – аллея. Но Геле не нравится это слово. Как и

имя Алла. Как и красный цвет. Поэтому место это называется рощей. И еще – рядом с рощей – пруд. Даже не пруд, а так – лужа. Посреди пруда – остров. (Скажете тоже – остров! Кочка жалкая – вот и весь остров!) За прудом – Станция юного натуралиста. Самая настоящая. Ни станций, ни прудов с островами рядом с аллеями не бывает. «Вот поэтому, – повторяет Геля уже с легким надрывом, – никакая это вам не аллея, а самая настоящая роща!»

VI

Муж Гели – железнодорожный проводник. Причем самый главный. Он как бы Проводник всех других проводников. Дома почти не бывает. То один поезд проводит, то другой. А если случится, что рейса нет, то муж Гели – зовут его Ильей – все равно остается ночевать в вагоне. Геля гостила у него пару раз. Ей очень понравилось. Муж, который очень гордится своей работой, все время вскакивал и рассказывал об особенностях своего ремесла: «А вот еще... Представь, пассажир просит чаю, и не один стакан, а сразу три! Что будем делать? А вот что!» И Илья проворно набирает три стакана кипятка и, держа их в одной руке и чуть пошатываясь (чтобы было наглядней – ведь это только сейчас состав стоит, а так он, разумеется, движется – да еще, скорее всего, с огромной скоростью, ведь поезд Ильи не просто поезд, а скоростной), идет в конец вагона. Вернувшись, демонстрирует, как в по-

ходных условиях правильнее всего стелить постель. Поужинав, супруги ложатся спать в разные койки. Они ведь одно-местные – спать в них вдвоем категорически возбраняется. В подтверждение проводник Илья показывает на правила, вывешенные у печки, где кипятится вода для чая. Правила в аккуратной рамке, в них – сто одиннадцать пунктов. Илья знает их наизусть, потому что сам их придумал. Перед сном он зачитывает их Геле. Она засыпает на тридцать шестом, в котором говорится, что в вагоне запрещается провоз животных, в особенности абиссинских котов, за исключением тех случаев, когда пассажир и абиссинский кот – одно лицо. Или точнее – морда, говорится в сноске к своду правил, вывешенных в аккуратной рамке в вагоне номер Таком-то Таких-то Железных дорог.

VII

Геля приходит в Липовую Рощу отдаваться Небу. Ложится на Землю, закрывает Земле уши, а сама – закрывает глаза. Чувствует – кто-то нежно касается ее там – под платьем. Она думает, это Небо, но ошибается. Это молодой Ветер. Он еще подросток, до смерти пуглив и до смерти любопытен. Целует Гелю в шею. Она улыбается и помогает – расстегивает верхние пуговицы платья. Но не Небо кладет ладони на ее грудь. И даже не молодой Ветер. Спугнув юнца, в Рощу приходит Солнце – настоящий любовник Гели. (Только она

об этом не знает и думает, что это Небо.) Солнце долго ее любит, а когда уходит, приходит Дождь. У них с Гелей сложные отношения. Делая вид, что не замечает его, Геля встает, застегивает платье, выходит из Роши и видит – на той стороне испещренного дождинками Мраморного пруда скачет под дождем жеребенок – мокрый и очень счастливый.

VIII

«Когда долго живешь в одном городе, не город становится твоим, а ты – его. Проходишь каждый день по одному и тому же маршруту, мимо все тех же зданий и не обращаешь на них внимания, ничегошеньки не запоминаешь. А город хорошо тебя знает и помнит: твой первый выпавший молочный зуб, первую любовь, которую носишь всегда с собой, смешно прижимая к груди и думая, что никто не видит. Именно город первым заметит твои первые седино-морщины. Он на все обращает внимание. И обижается, что ты такой невнимательный. И мстит как умеет», – рассказывает Геля детям.

IX

Архитекторы и строители – очень сильные маги. Работают они так: задумают какое-нибудь здание, приедут все в то место, где хотят его видеть, стоят и долго сосредоточенно

смотрят. Через какое-то время – не сразу – на том месте появляется новый дом. Но на Гелю чары архитекторов и строителей не действуют. Иногда она даже проходит сквозь все их так называемые постройки, просто потому, что для нее их не существует. Чем очень пугает прохожих. Геле не слишком нравится в каменном городе. Она мечтает переехать в Рощу и жить там с Небом, Ветром, Землей и Солнцем. Ну и Илью к себе позовут, конечно. Будет приезжать и пахнуть креозотом. Целыми днями будут сидеть все вместе, есть белый виноград и закусывать красным.

Х

«Геля, Геля, а как город мстит?» – спрашивает Гелина ученица. Геля сразу мрачнеет, хотя только что вовсю улыбалась, проводя наглядный эксперимент: одним взмахом руки превращала кота в миниатюрного дельфина. «Как, как? – недовольно говорит она. Хмурится. – Вот идет человек, останавливается – дорогу перейти собрался. Да так и остается стоять. Сам-то он думает, что и минуты еще не прошло, а люди ходят мимо, на него уже с десятков лет как смотрят, ориентируются по нему, когда им дорогу переходить. Потому что не человек он давно, а светофор». Дети улыбаются, не понимают всей серьезности городской мести. Тогда Геля опирается руками о свой стол, подается вперед и тихо говорит своим низким голосом: «Вот и парта твоя вовсе не пар-

та, а бывший школьный завуч Екатерина Михайловна Политрук».

XI

Илья делал вид, что внимательно слушает Гелю. Даже иногда соглашался с ней вслух. Но про себя считал вздором всю эту затею с переездом в Рощу. Во-первых, там нет дорог. И он, естественно, имеет в виду не асфальтированные дороги – зачем они ему? – а свои родные – железные. Можно, конечно, худо-бедно привыкнуть и по лесным тропам научиться ходить, но ведь ненадежные они, неожиданные – тропы эти. Чуть траву ветром пригнет к земле – и уже кажется, что кто-то ходил тут недавно. Доверишься, пойдешь след в след, да в какой-нибудь обрыв упрешься. С рельсами же совсем другое дело: встал на них и вперед – по прямой, не сворачивая. Доберешься куда надо – железно! Только смотри, с рельс – ни на шаг, а то пропадешь, сгинешь в полосе этой – недаром ведь прозвали ее мудрые люди полосой отчуждения, ибо чуждо там все человеку, загадочно и непонятно.

XII

Город, конечно, пытался отомстить Геле за ее нелюбовь, хотел превратить в фонарный столб или железный забор-сет-

ку. Только город не знал, что это невозможно, потому что Геля с недавних пор – Липа. Первыми это заметили ученики. Как-то Геля, посмотрев в окно, замерла на полуслове, а ее вытянутая рука, державшая кусочек мела, оперилась душистыми цветками. Причем они распускались прямо на глазах – как утреннее солнце. Это произошло в третью среду третьего месяца. И сразу же – за окном наступила весна. Следом ученики обнаружили, что сидят не за партами, а в ветвях деревьев, которые повырастали вдруг в классе в два ряда. Вот и получилось, что пока Геля решалась переехать в Рощу, Роща сама собралась и переехала к ней.

ХШ

Илья уехал на симпозиум работников железных дорог в Кракове. Приехал в своем вагоне и по возможности надолго из него не отлучался. Выходил только на заседания. Темой симпозиума была «Задача планомерного опоясывания земного шара одним непрерывным железным полотном». Помимо железнодорожников, были приглашены и самые видные архитекторы и строители – сидели насупившись, молча смотрели перед собой – явно замышляли что-то. Помимо профессионального интереса, были у Ильи и интересы личные. Близилась годовщина их свадьбы, и он хотел преподнести Геле сюрприз. Он уже дарил ей кольцо – два, если быть точным. Одно в честь помолвки – серебряное, с солнечным

камнем, а второе обручальное – золотое. Теперь же, когда железная дорога опояшет шар, Илья подарит ей символическое третье кольцо – повезет на кругосветном поезде в кругосветное путешествие. Раньше ведь были только кругосветные корабли и самолеты, а летать и плавать Илье не к лицу. Пока же строительные работы еще не только не завершены, но даже не начаты, Илья везет Геле гостинцы попроще – краковскую колбасу.

Константин Королев

Родился в Москве в 1981 году. Окончил факультет культурологии Государственной академии славянской культуры. Работал на телевидении видеоинженером, видеооператором,

режиссером монтажа.

В качестве видеооператора и переводчика работал с группой альпинистов «Восточный Гиндукуш» в Афганистане, Пакистане, Таджикистане, Киргизии.

Участвовал в медицинских гуманитарных операциях как видеоинженер.

В настоящее время – режиссер монтажа на одном из образовательных каналов.

Фотография

Перед наступающими сумерками, к урюковому саду, где я гнезвился со своей радиостанцией, подвалила толпа ишкашимской молодежи.

«Пойдем почайкуем!» – сказал старший из парней в нахлобученной на голову пограничной панамке, полы которой были порезаны и причудливо закручены в узелки, как дреды у африканца.

Я глянул на свой «Гаррис», устремивший антенну вверх, на хозяина дома по имени Бек, на его жену, которая шла с ведром воды с арыка, и отказался. Обычно молодые люди либо вежливо пытаются напоить гостя, либо рассчитывают на экспедиционный этанол. В этот вечер я опять трапезничал у Бека, пил горячий ширчай с маслом, ел лепешку, а потом, отвалившись на цветастую курпачушку, смотрел в бездонное небо, которое в Азии кажется гораздо ниже, чем в

привычной нам средней полосе.

На время акклиматизационного выхода группы мне предстояло сидеть на связи, для чего уважаемый Хан отдал нам ключи от своей квартиры, напротив ишкашимского базара. Однако первые дни мне не спалось под крышей, и, собрав минимум вещей и радиостанцию, я побрел куда глаза глядят. По пути мне попался землероб с ишаком, который на прекрасном русском языке осведомился, откуда я приехал. Я назвался, после чего он, заметив, что при Союзе было жить куда комфортнее, пригласил выпить чая к себе в дом.

Дом представлял собой типичное памирское жилище – с окном в крыше, пятью столпами и портретом Ага-хана, обрамленным искусственными цветами. Больше всего поразила меня библиотека, где можно было встретить такие редкости, как дневники Бисмарка в двух томах, издания тридцатых годов, много дореволюционной литературы и огромное количество медицинских книг. Оказывается, один из родственников Бека был врачом, учился и практиковал в Питере и оставил такое наследство.

Жить я перебрался в сад, чтобы не тревожить хозяев дома. Они долго упрашивали перебраться под навес, но увидев, с каким комфортом я обитаю в палатке, и прослушав байки о ночных бдениях у радиостанции, оставили все как есть. Утром я бегал два километра в качестве зарядки и только успевал здороваться с местными жителями на ходу. Потом мы завтракали и отчаливали на поле.

Один раз я потратил полчаса на то, чтобы спуститься к Пянджу по камням, заваленным бытовым мусором. Поглядел на ту сторону речки, куда предстояло отправиться через две недели. Ничего особенного. По склонам афганской стороны спешили копытные, пастухи. По дорогам пылили машины, как правило, внедорожники. Пару раз я спрашивал у местных про мумие. Говорили, что в данный момент мумия нету, а на афганбазаре покупать не стоит – похоже на подделку.

К пятнице мы сконнектились с Валеркой, который ехал присоединиться к нашей группе из Бишкека. По пути он намеревался наведаться в Хорог, в афганское консульство, где ему должны были шлепнуть печать в его загранпаспорт и отдать на руки наши паспорта. К вечеру я уже ждал его напротив входа на притихший базар, около колонки с водой. Местные дети вертелись с ведрами тут же, норовя угостить урюком или просто сказать что-нибудь по-русски в знак уважения к гостю.

После восхождения и акклиматизации в Киргизии организм Валерия требовал пожрать, и поэтому мы отложили поход к Беку на лепешки, наведались в ближайшую лавку, прикупили макарон, чаю и пару дынь и пошли пировать в квартиру Мурадбека. Отметим, так сказать, торжественную смычку. Оставшееся время пребывания в пограничном Ишкашине, перед переходом в афганский Султан-Ишкашим, мы дефилировали между рынком, квартирой и Бековыми апартаментами, заходя в урюковый павильон ко времени регламентного выхода на связь.

К моменту возвращения группы связь пропала совсем. Мы с Валерием стояли на дороге и оживленно спорили. По всему выходило, что нам надо собираться и ехать искать пропавших по приблизительной нитке маршрута. С жаром жестикулируя, решали, когда выдвигаться и что брать с собой.

Там нас и засняли вернувшиеся на день раньше остальных Андрей Громов и Ренат Шафиков.

Фотографию эту я храню до сих пор. На обороте Ренат каллиграфически вывел: «Валера и Костя спорят о времени выхода на поиски нашей группы».

Под безымянным пиком

Стоянка на «блюдце» была тягостной. Корона безымянных пиков, окружавших плато, скрывала от нас солнце. Днем мы часто наблюдали, как под аккомпанемент грома скатываются вниз лавины в шлейфе белых брызг.

Мороз крепчал: на нашем термометре ртуть ушла за отметку минус сорок.

Попытка Чижика и Тунгуса «запрыгнуть» на вершину в хорошую погоду не увенчалась успехом. Мы вынужденно сидели на одном месте и ждали окна.

Каждое действие стало превращаться в ритуал. Через день стояния биваком на плато уже никто не обращал внимания на мороз. Было очень холодно, но воспринимался этот холод как данность. Палаток на биваке стояло три штуки – шафиковская сверхлегкая из мембранного материала, Тунгусова классическая и моя летняя, купленная в Киргизии.

В палатке у Тунгуса спал Чижик, у Шафика гнезвился Валерон, а я гордо кочумал один в летней полусфере с двумя тамбурами. Утро начиналось у нас с того, что просыпался Чижик и будил всех остальных. Я лично просыпался от жуткого холода, долго ворочался и наконец решительным

движением расстегивал молнию спальной системы, выпуская остатки тепла в нутро палатки. Потом требовалось аккуратно одеться, чтобы не получить под слой одежды дозу конденсата, который подстерегал жертву, до поры находясь на внутренней секции палатки. Фонарик перед сном я перевешивал с головы на запястье. Если, не дай бог, случится страшное – осадки свалят наши палатки или сойдет лавина, со светом шансов побороться за жизнь немного больше. Однако спать с фонарем на голове было не здорово – утром болели волосы. Я тщательно проверял несколько раз, переложил ли я фонарик во внутренний карман флиски. Фонарь на биваке должен быть всегда с собой.

Обычно утренний подъем сопровождался дикими криками. Так каждый из участников ободрял себя и товарищей. Застегнув молнию и скатав «биви-бэг», я тщательно застегивал отсек своей палатки и тамбур. Умывались мы снегом, зубы утром прополаскивали жидким освежающим средством, а более основательно – щеткой – чистили перед сном. В качестве разминки я лепил из снега стенку вокруг своей палатки каждое утро. Потом искал место, где снег почище, и скатывал большой снежный ком – добавлять в джетбойл, чтобы получить потом кипяток для приготовления еды и чая. С комом в руках шел к палатке Тунгуса, где в тамбуре готовили еду, и приваливался туда. Готовка еды на морозе занимала много времени. Обычно кочегарили сразу три джетбойла, держа их в руках, – один держит, второй добавляет в джеты

снег. Примерно через час нужное количество воды закипало, и в автоклав заливали воду из двух джетов, а в один джетбойл кидали заварку. Автоклав стоял на полу палатки, питаюсь от мультитопливной горелки. С ним работал, как правило, Дима Чижик. В середине дня мы брали Валеркин штурмовой ранец (клапан от экспедиционного рюкзака с удобными плечевыми лямками) и валили на рекогносцировку.

Темнело на плато рано. Вечером алгоритм подготовки повторялся, и начинался алхимический процесс разведения этанола водой. Перед тем как залечь спать, я долго отряхивал шапку и куртку, потом снимал в тамбуре гетры и ботинки, отряхивал обувь и бережно клал себе в ноги. Потом разворачивал американский армейский «бивибэг» и садился в недра холодного спальника, стягивал штаны, потом, наконец, пуховку, раскладывая ее на груди. Аккуратно застегивал спальную систему изнутри и натягивал пуховик на лицо. Подушкой мне служил гермомешок с запасной одеждой. Задача была простая – уснуть, пока алхимическая субстанция, находящаяся в крови, давала ощущение эйфории. Тогда сон был легкий и тело отдыхало.

Ближе к вечеру в дом Пира Шо пришел бородатый брат и сообщил, что Санглич захвачен и всем надо валить в Султан-Ишкашим, а нам, скорее всего, переваливать через Пяндж в РТ. Но для этого сначала нужно было добраться до Султан-Ишкашима.

Пришлось, лежа в спальниках и извиваясь червяками,

подклеивать к имеющейся «пятисотке» листы с Ишкашимами. Потом увеличившуюся портянку карты закатали в скотч с обеих сторон – «заламинировали». Подъем мы произвели на пределе душевных и физических сил. Собрались сами, собрали рюкзаки. Оставили Шо Лянгари бакшиш – 50 м веревки, палатку Тунгуса, вышедшие из строя трековые палки. Шафиков собрал нас на курултай и сказал: «Пора удирать!» Мы поднялись вверх по узкой улочке между заборами домов и стали грузиться в один из джипов. Приехала еще одна машина. Тоже внедорожник. Мимо нас, по направлению на Ишкашим, тянулись вереницы различного транспорта, битком груженные людьми с оружием и без него, ишаки, лошади, люди с тюками.

Связи у афганцев между тремя машинами не было, поэтому мы распределились по три человека на три машины, достали свои радиостанции, проверили связь и тронулись в путь. В такой ситуации любимого певца пировых домочадцев – Ахмада Зоира пришлось в машине выключить. Водитель произвел ритуал прикладывания руки к губам и к портрету Ага-хана, прогрел движок, и машины тронулись по дороге, подпрыгивая на ухабах. А по краям дороги – камни, указатели с гамматическими эмблемами и люди, люди, люди, бегущие от войны вниз к Пянджу, поближе к границе. Поймал себя на мысли, что не хотел бы повторения всех наших полигонных тренировок в реальной жизни. Просто я не был уверен, что водители при попадании в засаду будут вести се-

бя рационально, а объяснять, что делать, было уже поздно. Еще меньше мне хотелось засесть посередине дороги из-за того, что Чичероне опять заправился только в обрез на полдороги. Вот теперь бензином с нами делиться вряд ли кто-то будет. Себе дороже... Технические санитарные остановки каждые три часа делали по очереди. Сначала вторая машина (по одному, прямо на колесо), через двести метров вторая, потом так же третья. От кого-то из достойных людей я слышал, как нескольких специалистов в этих местах пленили тогда, когда они всей гурьбой спешили и отошли к обочине, покидав беспечно оружие в машинах.

Из Лянгара доносились редкие хлопки выстрелов. Словно нагнетая обстановку, небо потемнело и посыпался снег.

Тактика у бандитов была весьма примитивная, но эффективная.

Перво-наперво сбивалась вышка сотовой связи. Одновременно весьма искусно штурмовались КПП полиции. Где-то штурмовались, а в иных уездах и покупались. Поэтому сидеть на позициях у пограничников было рискованно – ляжешь спать при одних хозяевах, а проснешься в зиндане, поскольку ночью тихо пришли другие. Уж лучше попробовать добраться до границы...

Джип родственника Пира Шо Лянгари представлял собой поистине произведение искусства. Конечно, до пакистанских «барбухаек» ему было далеко, но ведь и весовые категории разные. Цвет он имел вишневый. На верхней части

лобового стекла, равно как и на обтекателях зеркал заднего вида, имелись какие-то арабские символы желтого цвета. Капот машины был затянут крупноячеистой черной сеткой, а радиатор завешен серой тканью. Кузов прикрывался черным тентом. Родственник сидел за рулем в маске. Выглядел он грозно. По дороге наш караван еще раз тормозил, и водитель производил манипуляции с зеленой пропановой горелкой, пока мы осматривали свои сектора. Через десять минут прогрева тронулись в путь, миновали людей с ишаками и одноэтажные домики, между которыми на камне, лицом строго на Кыблу, молился местный пограничник в китайском «каменном» камуфляже и с чешским АК. Проехали погранцов, выехали на мосток. Окна были открыты почти до упора, в салоне было холодно.

Вдалеке раздались еле слышные хлопки. Водитель остановил машину.

Шафиков пихал водителя в загривок и орал «Го-ни-и-и!!!», так что с шофера слетел паколь. Я синхронно дублировал Ренатовскую команду: «Драйвер гоу форвард!!!»

Через пятнадцать минут интенсивного движения всем стало жарковато.

Водила натянул на голову маску. На дороге показались модули белого цвета с синими окнами, на этот раз уже с кондиционерами. Насыпные американские габионы по периметру. Во дворе торчал гантрак белого цвета с зеленой полосой. Надпись на зеленом я не разобрал. На стуле перед шлагбау-

мом сидел человек в синей длиннополой одежде и непонятного вида шапке с ушами. Он разговаривал по сотовому телефону. По повадкам – вроде начальник. Чичероне пошел к родственникам – обещал принести пожрать. Предстояла долгая дорога по темноте. Рядом с кампусом пограничников оставаться было нельзя. Во-первых, их могли атаковать, во-вторых, они сами могли искать возможности сдаться противнику. Лучший вариант был продолжать движение, авось повезет.

Как писал Киплинг:

*Там слева скала, там справа скала,
Терновник и груды песка.
Услышишь, как щелкнет затвор ружья,
Но нигде не увидишь стрелка...*

В Султан-Ишкашим мы въехали в местный выходной. Промчались мимо стоящих нос к носу разобранных до нуля остовов зеленых БМП с белыми номерами 201 и 205. Перед КПП у моста через Речку столпились груженные КамАЗы, внедорожники и куча людей с тюками. Соцветия одежд были самые причудливые. От традиционных долгополых кафтанов до тужурок различных армий. От советских «эксперименталок» до австрийских парок с эмблемой остеррейха, попавших сюда, очевидно, с гуманитарной помощью.

Водила сдернул у себя с головы паколь и подарил его Еноту. Мы тепло попрощались, и он умчался восвояси. Абори-

гены предложили нам блюдо с рисом, мы не отказались – поели руками, скатывая рисовый шарик и запивая его чаем из термоса. Пока ждали офицера-пограничника, расселись на рюкзаках, неподалеку от бытовок, где гнезвился личный состав. Около шлагбаума сидел на ветхом табурете пограничник с автоматом в китайской форме. Наконец приехал на мотороллере офицер.

Мы обменялись с сопровождающими сувенирами на память.

Нас пригласили внутрь. Начался процесс торга. Офицер просил бакшиш за беспокойство. Чиж всучил ему внушительную стопку афгани, прикрытых сверху долларовой купюрой. Тот заграбастал стопку и не глядя положил в карман.

Началась процедура проштамповывания наших заграничных паспортов. Шлеп! И на красивую афганскую визу, выданную в Хороге, ложится треугольная печать КПП Ишкашима с датой. В бытовке у погранцов висела карта Афганистана, фото какого-то почтеннейшего старца с джезаилом на сошках из рогов.

Офицер стал делать вид, что ищет ключ.

Мы перемигнулись с часовым, стоявшим у ворот, и просто-напросто перелезли через боковую ограду, предварительно перекинув рюкзаки.

Покидая «Порт Лянгар»

Второй день шел снег. Поздняя осень Лянгара сменилась белой зимой. Кристальный горный воздух обжигал легкие. Стало еще холоднее. Режим был такой: сорок минут идем, двадцать минут отдыхаем. На несколько часов из-за дальних хребтов показалось солнце, стало еще холоднее, но психологически идти стало легче. Рабочий аккумулятор для камеры остался один. Очередной бивак мы сделали на закате ходового дня у замерзшего и припорошенного снегом горного озера. Чиж с ледорубом и каном спускался к озеру, прорубал лунку и начерпывал оттуда воды два или три раза. Остальные ставили лагерь.

Стали делать набор. Сначала идти было тяжело. На двух тысячах организм отвык от нагрузок. Часто останавливались, снимали с себя лишнее, поправляли рюкзаки, переупаковывались. Когда я был помладше и только собирался идти со старшими товарищами в горы, мне постоянно говорили одну прописную истину: главное не физическая выносливость, а то, что у тебя в голове. Если человек сломался внутренне, если он «выгорел», то никто его наверх не затащит. Это в лучшем случае. В худшем случае человек перестанет бороться за свое здоровье и получит травму. И травмой ничего не закончится – начнутся долгие и болезненные для всех спасработы.

Когда показалось солнце, каждый из нас ободрился и удвоил свою черепашую скорость. Ровная тропа закончилась, начались камни. Камни песочных, шаровых, красных цветов с прожилками и вкраплениями пятен различного цвета. По ним приходилось ломиться вверх, балансируя на нагромождениях. Иногда наконечник палки попадал между камнями и заклинивался, приходилось на ходу выдергивать его, лишая себя дополнительной точки опоры. На склонах, расположенных достаточно высоко над рекой, палки приходилось сдваивать, чтобы не съехать вниз и не убиться. Выше четырех тысяч, чтобы поставить бивак на пронизывающем ветру, при сильном, почти за сорок градусов, минусе, требовалось напилить лавинной лопаткой кубиков снега, оттаскать их к палаткам и обложить их по периметру. Получалась своего рода стена из кирпичей снега, которая не давала ветру продувать палатки.

Готовка еды была отдельным ритуалом. В тамбуре нашей с Тунгусом палатки сидел я, окруженный джетбойлами, и добавлял из кучи снега под ногами снежные круглые куличики в воду. По очереди во все три джетбойла. Еще и еще. В течение часа все три закипели, в два я засыпал заварку, а содержимое одного добавил в автоклав Чиж. Чиж топил снег в «клаве», пользуясь мультитопливной горелкой, которая питалась местным бензином весьма невысокого качества. Сидел он во второй палатке, расставив ноги, между ногами помещались горелка, баллон с насосом и пакованы с провиан-

том. Под самым пиком мы вышли к плато. Встали в центре этого блюдца, окруженного со всех сторон вершинами, с которых каждые полчаса скатывались с грохотом лавины, клубясь белыми облаками и постепенно сходя на нет. Попытка восхождения на вершину прошла неудачно. Времени было в обрез, нам надо было возвращаться. Стоянка на «блюдце» была тягостной, поскольку пики скрывали от нас солнце. Мороз крепчал: на нашем термометре бордовая ртуть ушла за отметку минус сорок.

Сыпал редкий январский снег. Мы удалялись от Ишкаши-ма в сторону столицы на двух Умедовских внедорожниках.

По дороге от границы нас пронял голод после пережитых волнений, и мы частенько в сопровождении Умеда заруливали в ошхоны. Скидывали обувь, садились или ложились на курпачушки и сметали со стола все, что подавали. И шашлык, и шурпо, и яичницы, и кабоб, и много литров зеленого и черного чая из пузатых чайников с привязанной к ручке крышкой.

За пару дней доехали до столицы и расположились на базе на бывшей улице Чехова. Мы с Чижиком сгоняли на Зеленый базар в поисках любой обуви для Чижа, поскольку в «кофлачах» много не навоюешь, бегать по ровному затруднительно. Запах у базара был изумительный – настоящий восточный базар с пряностями, кофе, мукой, коврами, местным фастфудом, дешевой китайской одеждой. Требовалось всего ничего – сохраняя лицо, торговаться до упора, чтобы и

покупатель, и продавец получали удовольствие от покупок.

Город жил своей жизнью. Вечная стройка, дети, трудяги, толпящиеся у «биржи труда» при входе на базар. Вдвоем мы быстро нашли то, что нам было нужно, купили Димке американские ботинки древесного цвета, и он тут же их напялил. Попытались продать его «кофлачи», обработав их купленным тут же дезодорантом и сменив драные шнурки на новые. Но через полчаса плюнули на это дело и сдали ботинки в павильон, где торговали комплектами с натовских складов. Сказали, что нашли эту обувь в Ишкашимае на афганбазаре. Прикупили до кучи и орехов в сладкой глазури. Запаслись одноразовыми салфетками, дешевой газировкой (это уже в супермаркете), зашли в аптеку, взяли перевязочный материал и много пузырьков этанола. Пополнили запас сникерсов – вещь ценная, когда перекусить нечем, а двигаться надо. Вечером, когда переливали этанол в пластиковую тару, немного попало и внутрь под хорошую закуску. Утром Миша с солдатами отвалил, и пришлось опять тащиться на КПП к воротам с рюкзаками.

Решили так: если придется эвакуироваться, альпинистское железо и веревки оставляем на станции и валим налегке. Себе оставляем коврики, спальники, медицину, пеммикан с заваркой и штурмовую палатку. Рюкзаки брали с собой для того, чтобы можно было быстро свалить в сторону здания, где находился кабинет дяди Коли. Это было единственное одноэтажное крепкое строение, и в случае внезапной

атаки можно было в нем укрыться. На кран с водой мы натянули резиновый шланг, которым пользовались для полива, и пробросили его как можно ближе к входу в здание, набрав перед этим воды во все фляги и баклажки, которые можно было найти. Запасов воды должно быть много. Так прожили три дня. Туалет на станции стоял на отшибе, почти у входа. Из такого туалета легко могли человека похитить, никто бы даже и не спохватился. Поэтому туда приходилось ходить парами. Шел снежок, присыпая грязный асфальт. По городу движения не поубавилось. Вездесущие микроавтобусы «тангемки», гражданский транспорт, белые джипы иностранных специалистов. Выделялись белые внедорожники деминеров с красными треугольниками на бортах. В центре города все деревья-исполины, когда-то создававшие уют, были спилены.

Купить билеты в турагентстве проблемы не составляло. Турагентств и аптек было вокруг Зеленого базара предостаточно. Самолеты летали исправно. А вот прорваться в аэропорт по пробищам, которые возникали тут и там, было гораздо сложнее. Последний километр до аэропорта шли пешком в сопровождении милиционеров и группы Умеда.

Перед входом в аэропорт, у места, где обычно толкуются тангемщики и таксеры, стояла толпа молодежи. Наши аккуратно вошли клином в толпу и протащили нас к воротам. До первого поста нас сопровождала полиция, как почетных гостей. Обнимались с остающимися мы уже внутри.

Пару раз пограничники внимательно осматривали наши загранпаспорта и тыкали пальцами в афганские визы и султан-ишкашимские треугольники, однако в итоге всех завели на загрузку. Перевеса ни у кого не было, сувениров обратно не везли. Сели в самолет спокойно, поменялись местами, чтобы сидеть блоком, с позволения стюардесс. Самолет взлетел. Сидящие с обоих бортов приникли к иллюминаторам. В городе, похожем сверху на блюдце, в обрамлении гор, что-то горело, шел столбом черный дым.

Мы летели домой.

Юлия Лысова

Родилась в 1980 году в г. Лысково (Нижегородская обл.), окончила Нижегородский иняз, режиссерскую лабораторию

«Нультбюро» сценарные курсы Геннадия Островского, работала шеф-редактором на телеканале «Ю». Студентка магистратуры ВШЭ «Литературное мастерство». Сценарист короткометражных и полнометражных художественных фильмов, «пилотов» ТВ и веб-сериалов.

Рабыня Пузатова

Астраханская готика

Переводчик в прозе – раб.
В. А. Жуковский

Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер.
В. И. Ленин

Не пей на ночь – в Астрахань поплывешь.
Моя бабушка

1. Миф о Пузатом

Кажется, это Лев Толстой вспоминал, как его, грудного младенца, пеленают взрослые? Мой первый отпечаток в памяти относится к возрасту четырех лет. 1984 год. Я в деревянном доме, сижу за столом напротив деда. Нас разделяет шахматная доска с фигурами. Дед объясняет мне, что такое

ферзь. Ферзь, как и все остальные черно-белые обитатели поля, ходит без ног и ест безо рта. Бабушка суетится, ставит на стол кастрюлю, укутанную в несколько полотенец, велит деду убирать свою ерундистику (шахматы) и доставать тарелки – обедать пора. Дед вздыхает, собирает шахматы и кладет их на полку, где в окружении книг тянет обглоданную до железной кости ножку бледная гипсовая балерина.

Бабушка лезет в погреб, возвращается с банкой квашеной капусты, не может открыть плотно вцепившуюся в горло банки крышку, отдает деду. Дед как силач на арене демонстрирует мощь. Вздутая крышка пищит, но покоряется. Деревянной ложкой дед извлекает хрустящую капусту, раскладывает по тарелкам, куда перед этим из раздетой кастрюли уже доставлено дымящееся картофельное пюре. Бабушка режет буханку свежего хлеба и, обнаружив, что кто-то выгрыз мякиш изнутри, со знанием дела сообщает: «Христос ночевал!» Я уже в курсе, что Христос – это Бог в молодости. Но впервые слышу, что он был маленький, как пластиковая дюймовочка в железном цветке – игрушке, которую вчера купила мне мама.

Мы принимаемся за еду. Пюре нежное, уютно пахнет молоком, но мне хочется диких ощущений, поэтому я налегаю на капусту вырвиглаз. Бабушка говорит, что надо поесть и картошки, иначе в животе заведутся лягушки – как в пруду у их дома. Так мы сидим и просто едим. И ничего не происходит до тех пор, пока за окном откуда-то издалека не до-

носится загадочная подневольная музыка. Сначала звуки едва слышны, но постепенно становятся громче. Изможденная мелодия, едва переставляя ноги, которых у нее (как и у шахматных фигур) нет, прихрамывая, приближается, становится громче и зловещее. Мы втроем замираем с вилами (как с вилами), потом синхронно вздрагиваем от удара барабана: «Бом!» Кто-то, подгоняя, стукнул музыку, и она вновь звучит – жалобно, безнадежно.

«Пузатого понесли!» – со знанием дела говорит мудрая бабушка, встает и, держась за свой радикулит, идет к окну. Сквозь кружевную занавеску мне почти ничего не видно. Вижу только медленно проплывающую мимо нашего дома толпу людей. Две женщины несут какой-то щит из цветов, четверо мужчин водрузили на плечи что-то вроде носилок, на них, наверное, и сидит/лежит (не вижу) тот самый Пузатый. «А куда понесли Пузатого?» – спрашиваю я. Бабушка делает вид, что не слышит мой вопрос, задергивает плотную штору, садится и говорит, что капуста хорошо «просолилась» (она вечно где-то теряет мягкий знак) и что теперь всегда надо класть дубовый лист. Спросить у бабушки, кто такой этот Пузатый, я «боюсь». Да и перед дедом – самым умным из всех людей – позориться неохота. Вдруг мне, как образованному человеку (умею читать рассказ «Бобик»), стыдно этого не знать? В процессе недолгих размышлений, в которых сплетаются впечатления дня, я решаю, что Пузатый – это, пожалуй, какой-нибудь странный мужчина, живущий, скажем, у Ка-

занской церкви. Наподобие Андрюшеньки-дурачка, что ходит по улице с вечно высунутым языком. Может быть, мужчина этот заколдован. У него нет рта, зато есть огромное пузо, нашпигованное лягушками. Добрые люди понесли Пузатого к волшебнику, чтобы тот расколдовал несчастного. Такое объяснение кажется мне вполне разумным.

После того случая Пузатого носили еще несколько раз – в разных концах города Лысково Горьковской области с населением около двадцати четырех тысяч человек. Дважды я слышала угасающую музыку издалека, пару раз видела людей с носилками и щитами из цветов, мужчин с туманными трубами и женщин в черных платках, пыталась подойти ближе, но обстоятельства складывались против. Пока все дети верили в Деда Мороза, я верила в Пузатого, которого все носят и носят, но никак не могут расколдовать, и мечтала о том, что когда-нибудь я сама сниму заклятье с этого страдальца, тем более что написание заклинаний на квази-восточном языке было моим любимым занятием. Вот одно, уцелевшее с тех времен: «Флехайчесмарома, флехайчесмарома, флехайчесмарома, михайчес» (очень сильное, применять осторожно).

Моим любимым фильмом в те времена была сказка «Королевство кривых зеркал», потому что в ней не мальчик спасает девочку (как обычно), а девочка – мальчика (как мама – папу). Я была влюблена в Гурда, прикованного цепями к скале, и тоже хотела бы выволить его из заточения. Каждый

раз, гостя у бабушки с дедушкой и поднимаясь на второй этаж, где почти у самого чердака был расположен нужник, я представляла, что восхожу на Башню Смерти. Сейчас я открою дверь, а там, над выгребной ямой, откуда воют неприкаянные ветры и веет дух зла, на месте привычной дырки стоит на коленях закованный Гурд. Вот я его освобождаю, и о моем подвиге пишут в газетах, клочки которых торчат из дореволюционной дамской сумочки, прибитой гвоздем к стене.

Миф о Пузатом рушится в то воскресенье, когда мы с бабушкой идем на базар за печенкой. Где-то в районе городской бани я слышу знакомую мелодию и замечаю толпу печальных торжественных людей. Дернув бабушку за рукав и кивнув в сторону шествующих, я, рассчитывая произвести впечатление, сообщаю: «Пузатого понесли!» «Как? Кого?» – выпаливает бабушка. Потом с минуту молчит, переводя взгляд с меня на процессию и обратно. А затем, словно что-то внезапно поняв, улыбается: «Пузатов давно на... там, где надо. Это другого понесли!» Я потрясена новым знанием о том, что Пузатов – это фамилия, все мои прежние догадки терпят крах, и я осторожно спрашиваю: «А куда понесли другого?» Бабушка делает вид, что не слышит мой вопрос, и говорит, что надо поспешить, иначе всю печенку разберут.

Печенку действительно разберут, спустя десятилетия бабушку и деда тоже отнесут, а я, разгребая бумаги в их доме, выставленном на продажу, наткнусь на тоненькую брошюру

«Рабыня Изаура» в переводе загадочного астраханского полиглота и однофамильца моего Пузатова – В.Л. Пузатова. В тот же вечер я прочту экстравагантный бразильский роман, напишу статью «Переводчик, который любил Рабыню Изауру», и ее опубликуют на литературном сайте «Многобукв».

2. Статья

Владимир Набоков в эссе «Искусство перевода» пишет о том, что «в мире словесных превращений» существует три вида грехов: 1) ошибки, совершенные по незнанию; 2) намеренный пропуск слов и абзацев; 3) отсебятина. За третьё, самое большое преступление, по словам Набокова, переводчика надо подвергать жесточайшим средневековым пыткам. Вроде бы справедливо. Но хочу рассказать вам одну историю.

«Пузатого понесли!» – со знанием дела говорит мудрая бабушка, встает и, держась за свой радикулит, идет к окну. Сквозь кружевную занавеску мне почти ничего не видно.

Вижу только медленно проплывающую мимо нашего дома толпу людей.

Однажды мне в руки попала брошюра «Рабыня Изаура» 1992 года издания. Я, разумеется, первым делом подумала, что «роман» этот был написан на основе знаменитой мыльной оперы, а значит, заслуживает презрения. Как же я уди-

вилась, прочтя в аннотации, что, оказывается, «Рабыня Изаура» – это произведение классика бразильской литературы Бернардо Гимараенса. Опубликовано в 1875 году, еще до отмены рабства, оно стало настоящей сенсацией в Бразилии – никто до Гимараенса не дерзнул написать правду об ужасном положении рабов. Вроде как роман этот стоит в одном ряду с «Хижиной дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. А знаменитое «унга зунга унгэ», транслируемое с телеэкранов в начале девяностых, имеет такое же отношение к литературному первоисточнику, как сегодняшняя Анастасия Волочкова – к классическому балету. Ну, коль так – надо прочесть. Я открыла брошюру и... обомлела.

«Могучие быки, лоснящиеся упитанные тельцы возлежали на траве, которой они только что накушались и нащипались, осуществляя сейчас торжественный животный процесс пережевывания злаков под сенью высокоствольных деревьев» – так начинался текст. «Какой кудрявый слог!» – подумала я. И, закрыв глаза на то, что травой, в общем-то, нельзя «нащипаться», решила, что, видимо, это особенности традиционной для Бразилии XIX века манеры «слезы сердца».

«Это платье, как голубое облако вокруг ее ног, талия струится из этого облака, как Венера Милосская или какая другая Венера, рождаемая из морской пены», – говорилось в продолжении. Струющаяся талия, наконец, меня насторожила. Самиздат, что ли, какой? Нет. Издатель – информационное агентство «ЭКС-пресс», Нижний Новгород. Тираж сто

тысяч экземпляров. Согласно выходным данным, перевел роман астраханский литератор и полиглот В. Л. Пузатов.

«А сензала ведь остается сензалой!» – кричали страницы. Что еще за сензала? Полезла в словарь. Нет такого слова в русском языке. Португальско-русский словарь сообщил, что *senzala* – это жилище негров-рабов. Ладно, буду знать. Но дальше – больше.

«Мизерабельность бесправия не прикроешь фиговым листом внешнего декора!» Что за черт? На мгновенье усомнившись в рассудке Бернардо Гимараенса, я ринулась искать другой перевод «Рабыни Изауры» и – спасибо переводчику К. Комкову – выдохнула: бразильский классик про животный процесс пережевывания и струящихся Венер – не писал. А пассаж про сензалу и мизерабельность бесправия означает следующее: «Из-за этого лачуга не перестанет быть тем, что она есть на самом деле».

Дальше привожу параллельные переводы (сохраняя авторскую пунктуацию).

В. Пузатов: «Неустанно топтал, попрыгунчик дамский и вертопрах, своими наваксенными штиблетами не только собственную супружескую верность, но и беззащитное сердце жены».

К. Комков: «...ежедневно терзал сердце своей несчастной супруги распутством и безнравственностью».

В. Пузатов: «Медовый месяц, как и резинка на штанах, не тянется до бесконечности».

К. Комков: «...неужели ты думаешь, что медовый месяц длится вечно?»

В. Пузатов: «...мысли Леонсио роились вокруг Изауры как мухи, садясь ей то на лицо, то на шею, то на плечо, то еще куда-нибудь, не стесняясь».

К. Комков: «...воображение его было занято исключительно Изаурой».

В. Пузатов: «...и симпатичный помидор ее лица покрылся спелой краснотой. Из прекрасных очей посыпались молнии под аккомпанемент нежного грома ее голоса».

К. Комков: «...щеки ее стали пунцовыми, глаза метали гневные молнии».

Среди прочих инициатив В. Пузатова – «Как баобаб, поваленный тифуном – более не осмеливался уж он поднимать свои коряжистые руки на предмет своей африканской страсти». Астраханский переводчик и полиглот делает сноску, сообщая читателю, что тифун – это форма слова «тайфун», характерная для русской прозы XIX века. При чем тут русская проза XIX века – загадка, но ход изысканный.

Далее В. Пузатов снабжает прозаический текст ремарками, преобразуя его в пьесу: «Изаура! Ох! Постой, послушай же, ну не будь такой капризулей, лапочка! (Изаура убегает, он преграждает ей путь)». Следом в «пьесе» появляются элементы поэзии: «Пронзен, пронзен стрелой Амур! Такой... (сбиваясь на рифму), такой... такой богине не должно быть рабыней!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.